

Научная статья
УДК 008 (1-6)
DOI: 10.20323/1813-145X_2023_4_133_195
EDN: QJAZWE

Эстетика визуального в современной культуре: феномен тихой книги

Татьяна Иосифовна Ерохина

Доктор культурологии, профессор, проректор по учебной и воспитательной работе, Ярославский государственный театральный институт имени Фирса Шишигина. 150000, г. Ярославль, ул. Первомайская, д. 43
tatyanaer@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8328-2546>

Аннотация. Современная культура отличается не только новыми средствами построения картины мира, но и разработкой новых способов его восприятия, среди которых обращение к визуальной составляющей становится доминирующим. В статье рассматриваются теоретико-методологические основания «визуального поворота», характерного для культуры конца XX в., а также репрезентация «визуального поворота» в книгоиздательских практиках начала XXI в. Автор анализирует феномен «тихой книги» как издательского проекта, целью которого становится создание нового читательского восприятия. Обращаясь к истокам феномена «тихой книги», автор отмечает ее отличительные черты, акцентируя внимание на универсальности и общедоступности, стремлении издателей ориентироваться на разновозрастную аудиторию с преобладанием аудитории дошкольного и младшего школьного возраста. Особое внимание уделяется сотворчеству как главному принципу восприятия «тихой книги», наличию многозначности и подтекста. Автор анализирует визуальную эстетику «тихих книг» Т. Уховой, К. Денисевич, Д. Дзоболи и М. Ди Джорджо и выделяет общие принципы построения визуальной эстетики, связанные с повествовательным характером сюжета, наличием разных планов и ракурсов, наличием и отсутствием текста, а также авторскими установками на работу с образами. Особое внимание уделено цветовой символике и ассоциативному ряду, вызванному эстетикой визуального «тихой книги». Феномен «тихой книги» заключается не в стремлении упростить и нарушить вербальную составляющую культуры, а в попытке выработать новый язык чтения, способствующий интертекстуальному восприятию книги.

Ключевые слова: визуальная эстетика; «тихая книга»; визуальный поворот; интертекстуальность; сотворчество; Т. Ухова; К. Денисевич; Д. Дзоболи; М. Ди Джорджо

Для цитирования: Ерохина Т. И. Эстетика визуального в современной культуре: феномен тихой книги // Ярославский педагогический вестник. 2023. № 4 (133). С. 195-203.
http://dx.doi.org/10.20323/1813-145X_2023_4_133_195. <https://elibrary.ru/QJAZWE>

Original article

Aesthetics of visual in modern culture: the phenomenon of a quiet book

Tatiana I. Erokhina

Doctor of culturology, professor, vice-rector for education, Yaroslavl state theater institute named after Firs Shishigin. 150000, Yaroslavl, Pervomaiskaya st., 43
tatyanaer@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8328-2546>

Abstract. Modern culture is distinguished not only by new means of building a picture of the world, but also by the development of new ways of its perception, among which the appeal to the visual component becomes dominant. The article examines the theoretical and methodological grounds for the «visual turn» characteristic of the culture of the late XX century, as well as the representation of the «visual turn» in book publishing practices of the early XXI century. The author analyzes the phenomenon of «quiet book» as a publishing project, the purpose of which is to create a new reader's perception. Appealing the origins of the phenomenon of a «quiet book,» the author notes its distinctive features, focusing on the universality and general accessibility of a «quiet book,» the desire of publishers to focus on a different age audience with predominance of preschool and primary school audiences. Special attention is paid to co-creation as the main principle of perception of the «quiet book,» the presence of ambiguity and subtext. The author analyzes the visual aesthetics of «quiet books» by T. Ukhova, K. Denisevich, D. Dzoboli and M. Di Giorgio, distinguishes the general principles of building visual aesthetics related to the narrative nature of the plot, the presence of different plans and angles, the presence and absence of text, as well as author's settings for working with images. Particular attention is

paid to the color symbolism and associative series caused by the aesthetics of the visual «quiet book». The phenomenon of the «quiet book» is not the desire to simplify and disrupt the verbal component of culture, but to try to develop a new language of reading that promotes intertextual perception of the book.

Keywords: visual aesthetics; a «quiet book»; visual turn; intertextuality; co-creation; T. Ukhova; K. Denisevich; D. Dzoboli; M. Di Giorgio

For citation: Erokhina T. I. Aesthetics of visual in modern culture: the phenomenon of a quiet book. *Yaroslavl pedagogical bulletin*. 2023; (4): 195-203. (In Russ.). http://dx.doi.org/10.20323/1813-145X_2023_4_133_195. <https://elibrary.ru/QJAZWE>

Введение

Осмысление визуального в культуре имеет сформировавшиеся традиции и подходы: выделяются визуальные виды искусства [Демшина, 2010], визуальная культура [Габова, 2017; Мягкова, 2008], феномен визуальности в искусстве [Сальникова, 2013], визуализация как форма коммуникации [Яо, 2011] и др. Анализируя эстетику визуального в истории культуры, исследователи отмечают появление в XX в. «визуального поворота» [Беззубова, 2014], который характеризует специфику культуры современности и представлен в философском, культурологическом и искусствоведческом дискурсах [Ищенко, 2016]. Визуальный поворот имеет теоретико-методологическое обоснование, широко представлен в художественных и повседневных практиках культуры. В контексте нашего исследования предметом внимания стал феномен «тихой книги», широкое признание которой приходится на начало XXI в., при этом анализ этого явления все еще находится на стадии становления. Осмысление «тихой книги» в аспекте визуальной эстетики, выявление специфики «тихой книги» и основных векторов ее развития определили цель и задачи исследования.

«Визуальный поворот»

Эстетика визуального в современной культуре неразрывно связана с феноменом визуального поворота, который исследователи определяют как «обнаруживающееся нарушение устоявшихся отношений визуального и вербального в общественной жизни в пользу визуального» [Маслов, 2019, с. 40]. Истоки эстетики визуального можно обнаружить в античной культуре, обратившись к трудам Аристотеля, для которого зрительное восприятие имело доминирующее значение. По мнению Аристотеля, это связано с тем, что «зрение больше всех других чувств содействует нашему познанию и обнаруживает много различий в вещах» [Аристотель, 1976, с. 65].

В XX в. исследователи обращают внимание на парадигмальные изменения восприятия картины

мира в культуре. Эти коренные изменения стали обозначать маркером «поворот», введение которого в научный оборот связывают с работами Р. Рорти, предложившего этот термин для определения состояния философских и гуманитарных исследований, которое в 60-е гг. XX в. было обозначено как «лингвистический поворот». Вслед за лингвистическим появилось обозначение «коммуникативного», «антропологического», а затем — «визуального поворота» [Ищенко, 2016]: «В современной философии мы без труда обнаружим различные повороты: онтологический, лингвистический, иконический, теологический, перформативный, медиальный, антропологический, риторический, нарративный, пространственный. Их число растет» [Савчук, 2013, с. 93].

Не останавливаясь на содержательных аспектах феномена «поворота» в культуре XX в., отметим, что термин «визуальный поворот» в контексте нашего исследования имеет принципиальное значение, поскольку характеризует онтологически значимые изменения в восприятии картины мира современным человеком. Е. Н. Ищенко отмечает, что на рубеже XX–XXI вв. проблема визуального в современной культуре выходит на новый уровень — на смену «книжной культуре» приходит «экранная культура»: «цифровая фотография, кино, реклама, телеизображение и смайл становятся главными средствами коммуникации, решительно отдавая на второй план слово, поскольку визуальное куда как непосредственнее сообщает человека с информацией, событием и катастрофой. Современная цивилизация ведет к упрощению языка общения, к редукции глубины символического, к плоскому знаку, к иконке, “смайлу”, “образу» [Савчук, 2013, с. 96-97]. Этот переход приводит к новому способу взаимодействия визуального и вербального, означающему смену преобладающих культурных кодов [Ищенко, 2016, с. 22-23].

Как следствие, эстетика визуального на рубеже XX–XXI вв. становится предметом междис-

циплинарных комплексных исследований, в рамках которых особое внимание уделяется соотношению визуального и вербального в художественном тексте [Böhm, 2007; Cohn, 2019]. Данный аспект имеет особое значение в контексте литературоцентричности, присущей русской культуре XIX-XX вв. Литературе как виду искусства визуальность в той или иной степени присутствует априори: визуальные образы, создаваемые в литературном тексте, неоднократно были предметом специального осмысления (литературные портреты, описание пейзажей и интерьеров, цветовая символика и т. д.). Более того, как справедливо отмечают исследователи, истоки визуального поворота мы можем обнаружить в литературе конца XIX — начала XX в., когда формируются новые способы восприятия текста, представленные в символизме и футуризме.

Вербальный и визуальный тексты в истории культуры всегда находились в своеобразном диалоге/дискуссии. С. Соколов отмечает, что пространство культуры изначально включает в себя два типа артефактов: нарративы (повествовательные формы) и монстративы (визуальные формы) [Соколов, 2020, с. 7]. Эти артефакты противопоставлены друг другу, поскольку включают в себя разные способы создания и восприятия художественного образа. Не случайно Н. А. Хренов отмечает, что «понятие “зрелищность” не только не тождественно понятию “литературность”, но и противоположно ему» [Хренов, 2006, с. 112]. И хотя исследователь указывает на определенную односторонность подобного противопоставления, справедливо обозначая, что в истории культуры эти понятия взаимодействуют и влияют друг на друга, тем не менее в пространстве литературы визуальные образы играли вторичную роль.

Одновременно в художественной культуре представлена и иная тенденция: включение вербального текста в пространство живописи и декоративно-прикладного искусства, архитектуры и скульптуры. Эстетика визуального представлена в иллюстрации и живописных произведениях на литературные сюжеты, экфрасисе и комиксе.

Безусловно, книга всегда была включена в визуальное пространство. Достаточно подробно перечислены формы и способы этого включения в статье С. Соколова, отмечающего в качестве визуализации литературного текста «локусные коммеморативы (литературные дома-музеи, адреса героев книг); театрализованные формы культуры (например, перформансы, игровые про-

граммы, литературные композиции и др.) по книжным мотивам; компьютерные игры, использующие литературную сюжеттику <...> буктрейлер — короткий видеоклип, презентующий содержание литературного произведения, и косплей — костюмирование в соответствии с образом избранного книжного персонажа и демонстрация этого образа в публичном пространстве» [Соколов, 2020, с. 8]. Дискуссии о том, насколько опасна визуализация для вербального текста, который начинает восприниматься поверхностно и информативно, теряя образность, символические аспекты содержания и т. д., остаются в современном гуманитарном знании актуальной и нерешенной [Кондаков, 2016, с. 519-520].

М. Ямпольский отмечает, что следствием визуального поворота становится современный «кризис субъективности», который приводит к тому, что «субъект все в меньшей степени понимается как «человек мыслящий» и в большей степени как «человек наблюдающий». Это превращение субъекта в наблюдателя становится особенно очевидным в XX в., требующем от наблюдателя безостановочного синтеза рваного потока визуальных образов» [Ямпольский, 2000, с. 8].

Феномен «тихой книги»

В контексте «визуального поворота» особый интерес представляет феномен «тихой книги», которая начинает завоевывать издательское пространство.

«Тихая книга» — термин, который закрепился в издательской сфере и стал узнаваемым в читательской среде. При этом понятие «тихая книга» только становится предметом специального научного изучения и активно обсуждается отечественными и зарубежными издателями, которые говорят об уникальности и перспективности развития «тихой книги» в современной культуре.

Эстетика визуального «тихой книги» также не была предметом специального осмысления. Мы обратились к следующим изданиям, позиционирующим себя как «тихая книга»: «Кузнечик» (Татьяна Ухова, 2019 г.), «Соседи» (Кася Денисевич, 2020 г.), «Я работаю крокодилом» (Джованна Дзоболли, Марикьяра Ди Джорджо, 2021 г.). Выбор эмпирического материала обусловлен попыткой обнаружить общие и отличительные черты визуальной эстетики «тихой книги», которые представлены как отечественными, так и зарубежными авторами.

Прежде всего отметим, что под «тихой книгой» (сайлентбук/silent book) в современной культуре понимается книга без текста, то есть издание, в котором присутствуют только иллюстрации. Опираясь на интервью издателей и авторов, которые обращаются к «тихой книге», можно выделить несколько принципиально значимых характеристик этого феномена, отличающих сайлентбук от традиционного книгоиздания.

Издатели настаивают на том, что сайлентбук — это *самостоятельный феномен*, который отличается от комиксов, графических новелл, иллюстрированных каталогов и т. д., «поскольку это история, рассказанную автором-иллюстратором при помощи изображений. Это «путешествие через образы, без единого слова» [Визель, 2019]. Но это именно книга, следовательно, в ней должна быть рассказана определенная история, она должна быть «прочитана» читателем. При этом, несмотря на то, что «тихая книга» — это, как утверждают издатели, «молодая культура», которую необходимо поддерживать и внедрять, ее истоки можно обнаружить в истории культуры, на что издатели также ссылаются: «Тихие книги существуют издавна. Вспомните средневековые европейские миниатюры, как церковные, так и светские, в которых тоже рассказывалась некая история через картинки, буквы и колонтитулы» [Визель, 2019]. В свою очередь, мы можем вспомнить знаменитый в советский период журнал «Веселые картинки», который также генетически связан с «тихой книгой», комиксами и другими подобными изданиями.

Как самостоятельный феномен «тихая книга» имеет ряд отличительных черт. Во-первых, она *универсальна*, поскольку не привязана к конкретному языку и не требует перевода. «Тихая книга» направлена на развитие эмоции, воображения, интеллекта.

Во-вторых, «тихая книга» *многозначна*, поскольку именно отсутствие текста, который направлен на передачу информации, логическую последовательность изложения событий и их трактовки, априори предполагает *рождение подтекста*. Безусловно, вербальный текст также претендует на многозначность, но подтекст в «тихой книге» — обязательное условие ее существования. Возможно, это связано с читательской аудиторией, на которую ориентирована «тихая книга». И хотя сайлентбук имеет опыт изданий для подростков и взрослых (например, «Молитва морю», автор Халед Хоссейни, иллюстратор Дэн

Уильямс, 2018 г., посвященная сирийским беженцам, утонувшим в Средиземном море в сентябре 2015 г.), и издатели утверждают, что «такие проекты восстанавливают связь взрослого человека с книгой, дают шанс вновь пробудить воображение» [Роганов, 2019], «тихая книга» ориентирована, прежде всего, на дошкольный и младший школьный возраст.

В-третьих, «тихая книга» предполагает *сотворчество*, которое реализовано на разных уровнях: это и сотворчество автора и иллюстратора (в том случае, если перед нами книга не одного автора), сотворчество автора и читателя (читателей), сотворчество читателей (детей и родителей, учеников и учителей), а также, конечно, сотворчество автора и издателя. Вербальный текст также требует сотворчества автора и читателя, но в данном случае речь снова идет о принципиальной установке, зачастую обозначенной в библиографическом описании, как, например, в книге Каси Денисевич «Соседи» — «Литературно художественное издание. Для чтения взрослыми детям». Издатели настаивают на том, что «тихая книга» — это «молчаливые книги, которые требуют правильных слов» [Роганов, 2019]. Именно такие книги необходимы для развития «эмоционального интеллекта, для того, чтобы ребенок научился чувствовать мир через образы» [Роганов, 2019], и именно поэтому такие книги направлены на совместное творчество родителей и детей: «Тихая книга» нужна в том числе для коммуникации родителя и ребенка. Тот самый контекст, который остается невыясненным без слов и предложений, побуждает к общению и взаимопониманию» [Роганов, 2019]. Вероятно, возможно и чтение «тихой книги» ребенком без взрослого, но научить «читать» тихую книгу, используя все ее возможности, необходимо, чтобы ребенок не воспринял сайлентбук только на визуальном уровне.

Наконец, в-четвертых, отметим, что «тихая книга» имеет особую *визуальную эстетику*, своего рода визуальный код, восприятие которого становится условием понимания смысла книги. Именно стиль рисунка, цветовая гамма, принципы размещения иллюстраций в пространстве книги подчеркивают художественную ценность сайлентбука. Благодаря уникальной визуальной эстетике возможно наличие всех вышеперечисленных характеристик «тихой книги». Издатели отмечают, что стиль рисунка книги без слов «может быть карикатурным или реалистическим, драматическим или смешным. Например, худож-

ник изображает детские страхи: спящие малыши нарисованы в одном стиле, а их сны — в другом. Так возникает подтекст. Мы живем в эпоху изображений, и современному человеку нужно уметь считывать их значения» [Роганов, 2019].

Таким образом, отметив отличительные черты «тихой книги», мы обнаруживаем, что именно визуальная эстетика — это то, что, с одной стороны, отличает «тихую книгу» от традиционной, а с другой стороны, то, что отличает авторский стиль каждой книги и делает ее художественным произведением.

Эстетика визуального «тихой книги»

Обратимся к анализу специфики визуальной эстетики названных нами «тихих книг». Одним из первых таких изданий в отечественном книгоиздательстве считается книга Тани Уховой «Кузнечик», опубликованная в издательстве «Самокат» в 2019 г. Эта книга может быть отнесена к уже ставшему классическим типу сайлентбука: в ней отсутствует текст, за исключением текста, размещенного на оборотной стороне обложки, который дает определенную установку на восприятие образов, хотя бы потому что дает имя главной героини: «Лето. Дача. Маленькой Тане скучно. Позагорать что ли? Муравьи проложили дорожку прямо через Танину подстилку. Ничего себе, на нос залезли. Оказывается, у них тут муравейник. На грядке поспел горох. Ой! Гусеница. Жук летит. Блестящий! Фу, что это осталось на пальце? А кто там стрекочет в траве?» [Ухова, 2019].

Данный текст, по сути, и является своего рода предложенным автором вариантом прочтения книги. Короткие предложения, передача эмоций, внимание к деталям, — все это характеризует текст, созданный для детей. А далее следует авторская установка, которая предлагает читателю раскрыть специфику «тихой книги»: «В книге совсем нет слов. Но иногда они и не нужны: достаточно раскрыть глаза и прислушаться, чтобы понять, как хрупок этот мир» [Ухова, 2019].

Обратимся к визуальной эстетике «Кузнечика». В «Кузнечике» использованы различные приемы, характерные для визуального повествования: деление разворотов на панели (прием комикса), смена крупных планов (лицо) и деталей (рука, глаз) общими планами (кот на лавочке, Таня с игрушкой на покрывале), смена цветных (в основном) иллюстраций и контурных (которые могут быть раскрашены или докрашены, как в детских раскрасках), изображение звуков с помощью тонких белых спиралек (жужжание жука,

стрекотание кузнечика, звуки в траве). На наш взгляд, подобное разнообразие имеет особый смысл: историю Тани можно прочитать несколько раз, сделав главным героем как саму Таню, так и кузнечика (не случайно одна из иллюстраций напрямую дает нам такую возможность — переданное фасеточное зрение насекомого, которое видит кота), а при желании — и кота.

Есть и еще одна важная особенность визуальной эстетики данной книги, которая была отмечена читателями и кажется нам очень значимой: цветовая гамма рисунка, с преобладанием зеленых и рыжих тонов, фасеточное зрение насекомого, обилие травы и населяющей ее живности у взрослого читателя вызывает ассоциации с советским мультфильмом Владимира Тарасова «Контакт» («Союзмультфильм», 1978 г.) [Воображение и эмпатия, 2021]. Не известно, насколько этот ассоциативный ряд является сознательной авторской установкой, но именно визуальная эстетика «Кузнечика» придает определенную интертекстуальность книге, сюжет которой тоже начинает восприниматься в соотношении с мультфильмом. В «Кузнечике» девочка летом пытается отдохнуть на лугу, но ей мешают муравьи, она начинает знакомиться с миром насекомых, которые первоначально вызывают у нее негативные эмоции (брезгливость, страх, связанные с тем, как насекомые воюют и уничтожают друг друга), а затем — сочувствие и преодоление собственной жестокости (освобождение кузнечика из плена — банки). Мультфильм «Контакт» также описывает ситуацию изучения разных миров (инопланетянин пытается принять и почувствовать новый для него земной мир), встречу этих миров (художник, который выбрался на природу и засыпает под стрекотание кузнечиков и полет бабочек) и переход от отторжения (страх художника перед инопланетянином) к дружбе художника и инопланетянина, нашедших общий язык. В мультфильме также отсутствует текст, хотя значимую роль имеет музыкальное оформление. Этот ассоциативный ряд, представленный в визуальных образах, создает подтекст восприятия «Кузнечика» не только дошкольниками, но и взрослыми.

Иной вариант визуальной эстетики представлен в издании Каси Денисевич «Соседи» (Карьера Пресс, 2021). Отметим, что эта книга не является классическим сайлентбуком, поскольку в ней есть текст. Тем не менее критики причисляют это издание к «тихим книгам», поскольку объем текста не столь значим, а визуальная эсте-

тика отвечает всем требованиям, предъявляемым к сайлентбукам. Как и «Кузнечик», книга имеет текстовую установку, расположенную в аннотации: «Если подумать, мой потолок — это чей-то пол, а мой пол — чей-то потолок. Если бы сквозь эту стену можно было бы протянуть руку, я бы наверное, коснулась кого-то» [Денисевич, 2021]. Обратим внимание: как и в «Кузнечике», данный текст предлагает нам вариант прочтения книги: повествование от лица героини, с которой, в отличие от Тани из книги Т. Уховой, предложена идентификация (повествование от первого лица). Также содержится текст, поясняющий данную установку: «Так размышляет, разбирая вещи в новой квартире, героиня этой книги. Она задумывается о бесконечном разнообразии жизни, которая протекает рядом с нами день и ночь и о которой мы догадываемся зачастую только по стуку шагов и гулу голосов. Кто они наши соседи? Что они сейчас делают? Похожи ли они на нас? Сможем ли мы стать друзьями или навсегда станем в параллельных реальностях, разделенных тонкими стенками?» [Денисевич, 2021].

Иллюстративный ряд повествует о жизни дома, показывает городские пейзажи, лестничные клетки, интерьер квартир и комнат. При этом, в отличие от «Кузнечика», визуальная эстетика «Соседей» минималистична, особенно в цветовом решении: преобладают черно-белая палитра, игра света и тени, детализированные изображения (интерьеры комнат с люстрами, кроватями, книжными полками и телевизором, цветами в горшках и утюгами и стиральными машинами) сменяются условными изображениями лестничных клеток с обозначенными на белом листе дверьми подъезда и квартир, лестничными пролетами и маленькими фигурками людей. Рисунки выполнены тушью, что придает им графичность и особую выразительность. При этом в черно-белую палитру вплетаются и разноцветные пятна: красный цвет текста, который подчеркивает значимость отдельных слов (например, в предложении «И наконец, у меня есть комната — только моя!», красным цветом выделено местоимение — «моя», а в предложении «На самом деле соседи со всех сторон» красным шрифтом выделено словосочетание «со всех сторон»). Но еще более важно, что красным цветом выделены одежда героини и дорогие ей предметы (красная кофточка и шапочка, красная мягкая игрушка у героини в руках, краснеющий закат), а в конце книги появляется еще один яркий цвет — желтый — желтая одежда соседки героини, с кото-

рой она подружилась и идет в школу, желтые листья на осенних деревьях. Количество цветов увеличивается на последней странице истории: желтые, синие, зеленые, красные одежды детей, которые наполняют собой город, раскрашивают мир героини разноцветными красками, выводя ее за пределы лаконичного и аскетичного мира в мир эмоций и ярких впечатлений.

Таким образом, визуальная эстетика «Соседей» становится не просто средством создания настроения, а приобретает сюжетообразующее значение.

Есть и еще один важный, на наш взгляд, элемент визуальной эстетики, характерной для книги «Соседи». Как и в случае с «Кузнечиком», возникает определенный ассоциативный ряд визуальных образов, который подчеркивает интертекстуальную составляющую книги. Развороты книги «Соседи», содержащие изображение дома «без стены»: с изображением лифта, лестничных клеток, комнат, в которых живет героиня, и комнат ее соседей, занятых своими делами (принятием душа, украшением комнаты, игрой на музыкальных инструментах, живописью и т. д.) напоминает картину Татьяны Глебовой и Алисы Порет «Дом в разрезе» (1931 г., Ярославский художественный музей). Картина двух художниц, учениц П. Филонова, представляет собой уникальное авангардистское произведение, в котором также представлен дом «без стены», демонстрирующий лестничные проемы, комнаты, в которых персонажи музицируют, рисуют, отдыхают. И хотя стилистика изображений имеет принципиальные отличия, их символическая составляющая создает диалог, который в связи с указанными выше экспериментами художников-авангардистов начала XX в., способствующих появлению визуального поворота, приобретает особое значение.

Еще одним примером интертекстуального прочтения тихой книги посредством создания автором визуальной эстетики стала книга Джованни Дзоболли и Мариакьяры Ди Джорджо «Я работаю крокодилом» (ИД «Городец», 2021 г.). Выбор в качестве предмета анализа данной «тихой книги» обусловлен тем, что она представляет собой то самое универсальное издание, которое понятно читателю без слов, несмотря на то что иллюстрации городского пейзажа содержат надписи на итальянском языке (название магазинов, тексты рекламных плакатов). Впрочем, небольшие звуковые текстовые изображения («Дзиииннь», «БАМ») даны на русском языке.

Кроме этого, особый смысл эта книга приобретает в контексте отечественной культуры, поскольку ассоциативный ряд, вызванный визуальными образами, создающими сюжетную основу книги, представлен как в повествовании, так и в визуальной эстетике. Текстовая аннотация к книге лаконична: «Крокодил — обычный гражданин. Он мечтает об отпуске, читает за завтраком газету, дарит букет соседке, ругается на обрызгавшую его машину по дороге на работу. А работает он в зоопарке. Крокодилом» [Дзоболы, 2021]. При этом, если мы вспомним строки из сказки Э. Успенского «Крокодил Гена и его друзья»: «Каждое утро он просыпался в своей маленькой квартире, умывался, завтракал и отправлялся на работу в зоопарк. А работал он в зоопарке... крокодилом. Придя на место, он раздевался, вешал на гвоздик костюм, шляпу и тросточку и ложился на солнышке у бассейна», — мы фактически обнаружим краткий пересказ содержания сюжета книги «Я работаю крокодилом». Визуальная эстетика итальянских авторов не отсылает нас специально к знаменитому советскому мультфильму «Крокодил Гена», более того — имя крокодила в книге отсутствует, но внимательный читатель может обнаружить в визуальном ряде «тихой книги» и образ Чебурашки.

Безусловно, история «Я работаю крокодилом» не является иллюстрацией сказки Э. Успенского, она представляет собой современную историю, наполненную современными персонажами, ситуациями, деталями, юмором и грустной иронией. Визуальная эстетика книги итальянских авторов отличается многообразием неожиданных ракурсов и точек зрения: мы видим историю крокодила со стороны зрителя и глазами самого героя, нам предлагаются панорамы с высоты птичьего полета или взгляд снизу, мы обнаруживаем типичность происходящего, поскольку вместе с крокодилом в метро ездят жирафы, обезьяны, тигры. И книга, ориентированная на дошкольный возраст, обретает новое звучание при прочтении взрослым, который также может ассоциировать себя с крокодилом, находящемся в ежедневной будничной суете.

Заключение

Таким образом, визуальная эстетика «тихой книги» имеет ряд особенностей, обусловленных жанровой спецификой сайлентбука, и ориентирована, прежде всего, на универсальность «тихой книги», которая должна быть понятна и воспринимается без слов. Визуальные образы учитывают возможность самостоятельного «прочтения»

книги ребенком, а также возможность (необходимость) совместного чтения книги взрослыми с детьми, поэтому они должны быть детализированными и предметными, но вместе с тем давать возможность развитию воображения и творчества. Визуальная эстетика «тихой книги» предполагает многозначность и подтекст, который, как правило, создаются визуальные средства: цветовая символика, различные способы расположения наглядного ряда, выбор ракурса и плана изображения, внимание к деталям, ассоциативный зрительный ряд. В таком случае возможно появление интертекстуальных связей, которые не только расширяют читательскую аудиторию, но и способствуют более глубокому и объемному восприятию «тихой книги». Визуальная эстетика «тихой книги» в рассмотренных нами примерах включена в традиции книжной (литературоцентричной) и визуальной культуры, что позволяет авторам книги создать особый визуальный код, постижение которого способствует разработке и освоению нового языка — языка «тихой книги».

Таким образом, анализ эстетики визуального в «тихой книге» в соотношении с «визуальным поворотом» в культуре позволяет говорить о формировании нового типа визуальной культуры, которая, как ни парадоксально, пытается вернуть субъекта культуры от «зрителя» к «читателю».

Библиографический список

1. Аристотель. Метафизика : соч. : в 4-х т. Т. 1. Москва : Мысль, 1976. 550 с.
2. Барковская Н. В. «Книжки с картинками»: дискурсивный конфликт вербального и визуального текстов // Детские чтения. 2014. № 2 (Выпуск 6). С. 197-208.
3. Беззубова О. В. Визуальная культура и визуальный поворот в культурных исследованиях второй половины XX века // Аналитика культурологии. 2014. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vizualnaya-kultura-i-vizualnyy-povorot-v-kulturalnyh-issledovaniyah-vtoroy-pолоviny-hh-veka-1?ysclid=lf6t8b75zj242609159> (дата обращения: 13.04.2023).
4. Визель М. Миланская издательница рассказала о культуре «тихих книг» // Российская газета. 03.09.2019. № 196. URL: <https://rg.ru/2019/09/03/milanskaia-izdatelnica-rasskazala-o-kulture-tihih-knig.html> (дата обращения: 13.04.2023).
5. Воображение и эмпатия: «тихие» книги современных российских иллюстраторов // Библиогид. Каталог. РГДБ, 2021. URL: <https://bibliogid.ru/knigi/tematicheskie-obzory/15768-voobrazhenie-i-empatiya-tikhie-knigi-sovremennykh-rossijskikh-illyustratorov> (дата обращения: 13.04.2023).

6. Габова М. В. Визуальная культура современного общества (опыт типологии) // Человек. Культура. Образование. 2017. № 2 (24). С. 30-40.

7. Демшина А. Ю. Визуальные искусства в ситуации глобализации культуры: институциональный аспект. Санкт-Петербург : Астерион, 2010. 190 с.

8. Денисевич К. Соседи. Москва : Карьера Пресс, 2021. 40 с.

9. Дзоболы Д. Я работаю крокодиллом / Д. Дзоболы, М. Ди Джорджо. Москва : ИД «Городец», 2021. 32 с.

10. Ищенко Е. Н. «Визуальный поворот» в современной культуре: опыты философской рефлексии // Вестник ВГУ. Серия: Философия. 2016. № 2. С. 16-27.

11. Кондаков И. В. «Зритель»: новый субъект современной культуры // Обсерватория культуры. 2016. Т. 13. № 5. С. 516-525.

12. Маслов В. М. Философия визуального поворота: от теории к практике // Философская мысль. № 12. 2019. С. 39–56.

13. Мягкова М. Визуальная культура как социокультурный феномен // Аналитика культурологии. 2008. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vizualnaya-kultura-kak-sotsiokulturnyy-fenomen/viewer> (дата обращения: 13.04.2023).

14. Роганов А. Читай, даже если не знаешь букв // ММКЯ : Международная конференция о силе «тихой книги». 09.09.2019. URL: <https://want2read.ru/vokrug-da-okolo/mmkya-mezhdunarodnaya-konferenciya-o-sile-tihoy-knigi/> (дата обращения: 13.04.2023).

15. Савчук В. В. Медиафилософия. Приступ реальности. Санкт-Петербург : Изд-во РХГА, 2012. 350 с.

16. Сальникова Е. В. Феномен визуального. От древних истоков к началу XXI века. Москва : Прогресс-Традиция, 2013. 576 с.

17. Сокоиков С. С. Показ и рассказ: о взаимодействии визуально-зрелищных образов и литературного текста // Культурология. 2020. № 2. С. 7-16.

18. Ухова Т. Кузнечик. Москва : Самокат, 2019. 48 с.

19. Хренов Н. А. Кино. Реабилитация архетипической реальности. Москва : Аграф, 2006. 701 с.

20. Ямпольский М. Наблюдатель. Очерки истории видения. Москва : Ad Marginen, 2000. 288 с.

21. Яо М. К. Визуализация как тенденция форм культуры, искусства, коммуникации / М. К. Яо, С. Д. Бородина, Ю. Г. Еманова // Вестник ТГГПУ. 2011. № 4 (26). С. 296-302.

22. Böhm G. Wie Bilder Sinn erzeugen. Die Macht des Zeigens. Berlin : Berlin University Press, 2007. 282 с.

23. Cohn N. Visual narratives and the mind: Comprehension, cognition, and learning. Psychology of Learning and Motivation: Knowledge and Vision. 2019. Vol. 70. URL: https://www.academia.edu/40812069/Visual_narratives_and_the_mind_Comprehension_cognition_and_learning

(дата обращения: 13.04.2023).

Reference list

1. Aristotel'. Metafizika = Metaphysics : soch. : v 4-h t. T. 1. Moskva : Mysl', 1976. 550 s.

2. Barkovskaja N. V. «Knizhki s kartinkami»: diskursivnyj konflikt verbal'nogo i vizual'nogo tekstov // «Picture books»: discursive conflict between verbal and visual texts // Detskie chtenija. 2014. № 2 (Vypusk 6). S. 197-208.

3. Bezzubova O. V. Vizual'naja kul'tura i vizual'nyj povorot v kul'turnyh issledovanijah vtoroj poloviny XX veka // Visual culture and visual turn in cultural studies of the second half of the XX century // Analitika kul'turologii. 2014. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vizualnaya-kultura-i-vizualnyy-povorot-v-kulturalnyh-issledovanijah-vtoroy-poloviny-hh-veka-1?ysclid=lf6t8b75zj242609159> (data obrashhenija: 13.04.2023).

4. Vizeľ M. Milanskaja izdatel'nica rasskazala o kul'ture «tihih knig» = Milan publisher spoke about the culture of «quiet books» // Rossijskaja gazeta. 03.09.2019. № 196. URL: <https://rg.ru/2019/09/03/milanskaia-izdatelnica-rasskazala-o-kulture-tihih-knig.html> (data obrashhenija: 13.04. 2023).

5. Voobrazhenie i jempatija: «tihie» knigi sovremennyh rossijskikh illjustratorov = Imagination and empathy: «quiet» books by modern Russian illustrators // Bibliogid. Katalog. RGDB, 2021. URL: <https://bibliogid.ru/knigi/tematicheskie-obzory/15768-voobrazhenie-i-empatiya-tikhie-knigi-sovremennykh-rossijskikh-illyustratorov> (data obrashhenija: 13.04.2023).

6. Gabova M. V. Vizual'naja kul'tura sovremennogo obshhestva (opyt tipologii) = Visual culture of modern society (experience of typology) // Chelovek. Kul'tura. Obrazovanie. 2017. № 2 (24). S. 30-40.

7. Demshina A. Ju. Vizual'nye iskusstva v situacii globalizacii kul'tury: institucional'nyj aspekt = Visual arts in a situation of cultural globalization: an institutional aspect. Sankt-Peterburg : Asterion, 2010. 190 s.

8. Denisevich K. Sosedj = Neighbors. Moskva : Kar'era Press, 2021. 40 s.

9. Dzoboli D. Ja rabotaju krokodilom = I work as a crocodile / D. Dzoboli, M. Di Dzhordzho. Moskva : ID «Gorodec», 2021. 32 s.

10. Ishhenko E. N. «Vizual'nyj povorot» v sovremennoj kul'ture: opyty filosofskoj refleksii = «Visual Twist» in modern culture: experiences of philosophical reflection // Vestnik VGU. Serija: Filosofija. 2016. № 2. S. 16-27.

11. Kondakov I. V. «Zrichitel'»: novyj sub#ekt sovremennoj kul'tury = «Viewer-reader»: a new subject of modern culture // Observatorija kul'tury. 2016. T. 13. № 5. S. 516-525.

12. Maslov V. M. Filosofija vizual'nogo povorota: ot teorij k praktike = Philosophy of visual rotation: From theory to practice // Filosofskaja mysl'. № 12. 2019. S. 39-56.

13. Mjagkova M. Vizual'naja kul'tura kak soci-okul'turnyj fenomen = Visual culture as a sociocultural phenomenon // Analitika kul'turologii. 2008. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vizualnaya-kultura-kak-sotsiokulturnyy-fenomen/viewer> (data obrashhenija: 13.04.2023).
14. Roganov A. Chitaj, dazhe esli ne znaesh' bukvy = Read even if you don't know the letters // MMKJa : Mezhdunarodnaja konferencija o sile «tihoy knigi». 09.09.2019. URL: <https://want2read.ru/vokrug-dakolo/mmkya-mezhdunarodnaya-konferenciya-o-sile-tihoy-knigi/> (data obrashhenija: 13.04.2023).
15. Savchuk V. V. Mediafilosofija. Pristup real'nosti = Mediaphilosophy. An attack of reality. Sankt-Peterburg : Izd-vo RHGA, 2012. 350 s.
16. Sal'nikova E. V. Fenomen vizual'nogo. Ot drevnih istokov k nachalu XXI veka = Visual phenomenon. From ancient origins to the beginning of the XXI century. Moskva : Progress-Tradicija, 2013. 576 s.
17. Sokovikov S. S. Pokaz i rasskaz: o vzaimodejstvii vizual'no-zrelisshnyh obrazov i literaturnogo teksta = Show and story: about the interaction of visual-spectacular images and literary text // Kul'turologija. 2020. № 2. S. 7-16.
18. Uhova T. Kuznechik = Grasshopper. Moskva : Samokat, 2019. 48 s.
19. Hrenov N. A. Kino. Reabilitacija arhetipicheskoj real'nosti = Cinema. Rehabilitation of archetypal reality. Moskva : Agraf, 2006. 701 s.
20. Jampol'skij M. Nabljudatel'. Ocherki istorii videnija = Observer. Essays on the history of vision. Moskva : Ad Marginen, 2000. 288 s.
21. Jao M. K. Vizualizacija kak tendencija form kul'tury, iskusstva, kommunikacii = Visualization as a trend of forms of culture, art, communication / M. K. Jao, S. D. Borodina, Ju. G. Emanova // Vestnik TGGPU. 2011. № 4 (26). S. 296-302.
22. Böhm G. Wie Bilder Sinn erzeugen. Die Macht des Zeigens. Berlin : Berlin University Press, 2007. 282 s.
23. Cohn N. Visual narratives and the mind: Comprehension, cognition, and learning. Psychology of Learning and Motivation: Knowledge and Vision. 2019. Vol. 70. URL: https://www.academia.edu/40812069/Visual_narratives_and_the_mind_Comprehension_cognition_and_learning (data obrashhenija: 13.04.2023).

Статья поступила в редакцию 27.04.2023; одобрена после рецензирования 26.05.2023; принята к публикации 04.08.2023.

The article was submitted 27.04.2023; approved after reviewing 26.05.2023; accepted for publication 04.08.2023.